

⁷³ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея... С. 108–127. XXXV. Прил.

⁷⁴ Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен... С. 205–206.

⁷⁵ Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Кюлю. М., 1994. С. 184–188, 191–192, 195–196.

⁷⁶ Кошечкин Б.И. Боже, дай нам ветра: Кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992. С. 40–41.

⁷⁷ Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 72.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 869. Л. 52.

⁷⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14: Отрава – Персоня. М., 1988. С. 305.

⁸⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3, ч. 1. С. 117.

⁸¹ Хорошев А.С. Средства передвижения // Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997. С. 124.

⁸² РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 693. Л. 135.

⁸³ Кошечкин Б.И. Боже, дай нам ветра... С. 162.

⁸⁴ Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен... С. 210.

⁸⁵ Открытия русских землепроходцев... С. 212.

⁸⁶ Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970. С. 395.

⁸⁷ АИ. Т. 2. С. 411–412.

⁸⁸ Титов А.А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 19–20, 36.

И.Л. Манькова

ЭКСПЕДИЦИЯ Я. ХРИПУНОВА 1627–1630 гг.:

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОК

В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

По мере продвижения русских землепроходцев на восток шел процесс освоения природных богатств новых земель. Сибирь интересовала Российское государство не только как поставщик пушнины, но и как территория, где возможны находки месторождений серебра, золота, меди, олова и свинца.

К началу XVII в. Россия не имела собственных источников получения этих металлов. К тому времени единственное месторождение медных руд в Поморье было выработано. Правительство закупало или меня-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 98-01-00400).

ло на пушнину это стратегически важное сырье за границей. Потребности Денежного двора в серебре в основном удовлетворялись покупкой ефимков, которые затем переделывались в русские серебряные монеты. Таким образом, страна находилась в значительной зависимости от конъюнктуры внешнего рынка и международной ситуации, правительство вынуждено было предоставлять существенные льготы иностранному купечеству. Поэтому обретение и разработка собственных источников серебра, меди и других металлов являлись жизненно важными задачами для России. Вместе с тем, стремление иметь собственные месторождения цветных и драгоценных металлов было связано и с экономическими представлениями того времени, развивавшимися в русле раннего меркантилизма. Считалось, что прибыль создается в сфере обращения, богатство нации заключается в деньгах, а накопление денежного богатства может быть достигнуто с помощью государственной власти.

Первые сведения о рудных богатствах Сибири стали поступать в Москву от служилых людей, отправлявшихся для «проведывания и приведения под высокую государеву руку новых землиц». Со второй половины 20-х гг. XVII в. сбор информации о рудах и, в первую очередь, о серебре перестал носить случайный характер, а стал целенаправленным, важным государственным делом. В наказах сибирским воеводам центральная власть предписывала, в числе прочего, собирать сведения о природных богатствах края и особо «проведывать» о серебре. Воеводы, в свою очередь, передавали эти распоряжения руководителям воинских отрядов, отправлявшимся в новые районы.

После основания Енисейского острога в 1619 г. началось активное освоение русскими землепроходцами бассейна р. Верхняя Тунгуска (Ангара). Так, в 1624/25 г. енисейский воевода стольник Яков Игнатьевич Хрипунов послал в Аплинскую и Шаманскую земли пятидесятника Терентия Савина, стрельцов Савву Иванова, Казарина Ильина и толмача татарина Розгильдея Сеитова, велел им собрать ясак и выяснить, есть ли там серебро, где оно находится и какого качества. Но Я. Хрипунов не дождался возвращения отряда Т. Савина. Он был отозван в Москву, а на его место был прислан Андрей Леонтьевич Ошанин. В 1625/26 г. новый енисейский воевода сообщил в Приказ Казанского дворца, что именно он посылал Т. Савина для сбора ясака и передал сведения о серебре, полученные служилыми на Верхней Тунгуске¹.

Т. Савин сообщил, что в землях князца Окуня есть серебро. Эта земля находилась в верховьях Тунгуски (Ангары), в труднодоступном районе, и до нее из Енисейского острога было ходу водным путем больше года. Согласно полученной информации, серебро шло из горы, князец

и его люди сами его добывали и плавил, а затем некоторое количество продавали в другие «землицы». Важным свидетельством того, что тунгусы имеют собственные источники серебра, служилые люди считали наличие в их костюмах деталей из серебра: небольшие выбитые круги (весом около 10 алтын), которые женщины носили на головах, нагрудники и пуговицы. В качестве доказательства Т. Савин привез такие серебряные изделия. Однако сами служилые в тех местах не бывали, а только слышали эти сведения от коренного населения.

В 1625/26 г. сообщение А. Ошанина было одним из первых известий о наличии серебра в Сибири (более ранних нами пока не обнаружено). Центральные власти отнеслись к нему с большим вниманием и пытались проверить или уточнить поступившую информацию о находках металлов или рудных признаков на далекой сибирской окраине. После известия А. Ошанина в Приказе Казанского дворца были опрошены бывший енисейский воевода Я. Хрипунов и стрелецкий десятник из Енисейского острога Дмитрий Андреев. Их сообщения совпадали в основных моментах, но расходились в деталях. Оба свидетеля передавали рассказы служилых людей, ходивших по Тунгуске для сбора ясака и слышавших о серебряной горе во владениях князца Окуня (Хрипунов называл еще князца Кельтю), а также свидетельства ясачных людей о маршруте и трудностях проникновения в те земли. Я.Хрипунов и Д. Андреев говорили, что добраться туда можно только по рекам (на судах или нартами в зимнее время) за 5–6 недель. Сложность заключалась в том, что на больших судах, в которых обычно ходили служилые люди за ясаком, проплыть в те земли было нельзя, необходимы были мелкие гребные суда. Расхождения касались количества людей у князца (100 или 200) и его умения обрабатывать серебро. Я. Хрипунову рассказывали, что князцы и их люди сами добывают серебро из горы и переплавляют. По сообщению же Д. Андреева, «промыслить он, князец, серебром не умеет, как то серебро делают». Также бывший енисейский воевода сообщил, что «бой у них (т.е. тунгусов. – *И.М.*) лучной, копейной и сабельный». В доказательство своих рассказов Я.Хрипунов показал в Приказе Казанского дворца «грамотку» Т. Савина, которого он посылал на Тунгуску в 1624/25 г. В письме, адресованном Якову, Терентий рассказывал, что он купил серебро у «варганских людей» и расспрашивал тунгуса Чекола, который прожил около 10 лет у князя Окуня. Привезенное Терентием серебро было отправлено из Тобольска в Москву. Несмотря на все трудности предстоящей экспедиции, Я. Хрипунов и Д. Андреев выразили готовность «послужить государю» – отправиться в Сибирь к серебряной горе.

Сбор информации из разных источников о серебряных месторождениях в верховьях Тунгуски был обусловлен не только недоверием к первому поступившему сообщению. В Восточной Сибири процесс подчинения коренных народов российскому владычеству не был еще завершен, сохранялась военная опасность, расположенные на почтительном расстоянии друг от друга остроги вряд ли могли стать надежной опорой и защитой для русских землепроходцев, уходивших далеко на восток, в том числе и для поисков серебра. Поэтому кроме подтверждений первоначального известия о возможных находках серебра, центральные власти стремились получить наиболее полную информацию о ситуации в предполагаемых районах геологоразведки (в частности, о военной обстановке, расстояниях до ближайших острогов, более удобных путях и т. д.).

Готовя экспедицию в еще малоизведанные, отдаленные районы, центральная власть стремилась учитывать опыт, накопленный в ходе присоединения и освоения Сибири и мнение тех, кто нес там службу. Так, и Я. Хрипунов, и М. Андреев сказали, что у месторождения серебра обязательно надо будет поставить острог. Власти стали сразу же выяснять, откуда будет ближе возить в тот острог деньги и хлеб на жалованье служилым людям – из Енисейска или из Красноярска. Оба служилых сказали, что можно и из того, и из другого, расстояние одинаковое. Заявив о своей готовности взяться за поиск серебряной горы в верховьях Тунгуски, Я. Хрипунов и Д. Андреев предложили совершенно разную тактику проведения данного мероприятия.

Стольник Я. Хрипунов просил отправить с ним отряд служилых людей «с огненным боем» в легких стругах, а также в качестве проводников тех людей, которых он посылал в 1624/25 г. в Аплинскую и Шаманскую земли во главе с пятидесятником Т. Савиным (всего 5 человек, в том числе толмач). Главной своей задачей Яков видел приведение «под высокую государеву руку» князцов, которые жили у заветной серебряной горы, сбор с них ясака. Попутно он надеялся найти и серебро, а затем разведать «иные многие земли» и объяснить их. Я. Хрипунов считал необходимым поставить острог «у тех князцов, у Окуня и у Келти, у серебряной горы». По его мнению, «государевых служилых людей 100 человек в ту посылку будет мало», так как говорят, что рядом с теми князцами «живут многие земли большие люди, и в остроге де тем государевым служилым людям сидеть будет страшно».

Д. Андреев предлагал не посылать к князцу Окуню отряд служилых людей из Енисейского острога, потому что ему придется идти крайне тяжелым путем вверх по Тунгуске, где большие пороги, а князец и его люди, «увидя служилых людей, разбежатца по лесом и по малым

речкам, и тех гор, из которых идет серебро, без тово князька сыскать и указать будет некому». Поэтому он просил послать к князю его с толмачом и площадным подьячим из Енисейского острога, чтобы «проведать про серебряные руды». Таким образом, план Д. Андреева включал только поиски серебра и не ставил задачу покорения новых земель. Правительство выбрало план Я. Хрипунова, но была учтена и мысль Д. Андреева – не спугнуть тунгусов.

После того, как весь материал был собран в Приказе Казанского дворца, боярин князь Д.М. Черкасский, дьяки И.Болотников и И.Грязев сделали доклад царю Михаилу Федоровичу. Очевидно, в этом докладе содержались и предложения по организации и проведению экспедиции на Верхнюю Тунгуску. После этого царь указал «к князцам Оконю и Кельте для сыску серебряных гор послати Якова Хрипунова». Таким образом, именно поиски серебра были главной задачей данной экспедиции, а «приведение новых земель под высокую царскую руку» являлось средством достижения поставленной цели. 18 января 1627 г. царь подписал указ, в котором говорилось о решении послать экспедицию в верховья Верхней Тунгуски и давались конкретные указания по ее подготовке и проведению.

Подготовка любой экспедиции предполагала решение целого ряда вопросов: определение ее задач и тактики, источников финансирования, подбор участников, подготовка снаряжения и оборудования, обеспечение транспортом. Приняв решение о проведении той или иной экспедиции, власти назначали ее руководителей. Структура руководства в данном случае соответствовала административной практике XVII в. Как и при любом государевом поручении (будь то воеводство или посольская служба), во главе экспедиции стояли служилый человек (стольник, дворянин, сын боярский) и подьячий или письменный голова. Экспедиция на р. Тунгуску в 1627 – 1630 гг. проводилась под руководством стольника Якова Игнатьевича Хрипунова² и подьячего Максима Перфильева³.

Далее определялся состав участников экспедиции. В первую очередь необходимо было найти специалистов-рудознатцев, умевших провести опыты с найденной рудой, определить в ней содержание того или иного металла, а также оценить перспективность разработок месторождения.

В то время в России не было своих специалистов в данной области. Издавна существовала практика приглашения иностранных мастеров на российскую службу. В XVII в. они являлись главными специалистами в геологоразведках. Однако в экспедицию Я. Хрипунова был определен в таком качестве бывший наводной мастер Оружейного приказа Иван Иванов Репа. В документах экспедиции он называется «для серебряной

переплавки плавильщик и серебряный мастер», но совсем отсутствует информация о его рудознатных навыках. Почему же с Я. Хрипуновым не был послан более квалифицированный иностранный мастер?

Возможно, подготовка экспедиции на р. Тунгуску началась в то время, когда в Москве не оказалось иностранных специалистов-рудознатцев. Об этом свидетельствует тот факт, что в конце 1626 г. в экспедицию Г. Загряжского и С.Беликова (которая в то время обследовала притоки р. Камы) из Москвы прислали для экспертизы руду, привезенную из Еренского городка для Аптекарского приказа. Участвовавший в экспедиции иностранный мастер Самойло Фрик провел опытную плавку, но меди и серебра в той руде не оказалось. Для царя был составлен подробный отчет об опытах⁴.

Возможно, отправка в экспедицию на Тунгуску именно неинностранного мастера была связана с защитой геополитических интересов России. Еще в 1614 г., в ответ на предоставление России финансовой помощи и посредничество в урегулировании отношений со Швецией, Англия добивалась разрешения на проезд английских купцов через российскую территорию в Персию и по р. Оби в Индию и загадочное Китайское государство. Удовлетворение просьбы английской стороны было отложено до установления мира со Швецией. В 1617 г. Англия помогла это сделать и потребовала ответных шагов. Но Боярская дума явно не хотела пускать английских купцов вглубь страны. Так, в отношении дороги по р. Оби в Индию и Китай был дан ответ, что «Сибирь далеко, до первых городов с полгода ходу, и то зимою, сами туземцы не знают, откуда Обь река вышла и куда вошла, сторона та самая студеная, больше двух месяцев тепла никак не живет, а по Оби всегда лед ходит, никакими судами пройти нельзя, а вверх по Оби, где потеплее, там многие кочевые орды; про Китайское государство сказывают, что не великое и не богатое, добиться к нему нечего». Но из дружбы с английским королем государь обещал послать нарочного к воеводам, чтобы разузнать про Обь и Китай⁵. Это был обычный дипломатический ход. Российская сторона сама стремилась занять господствующее положение на торговых путях в Китай. А через иностранных рудознатцев, оказавшихся в Сибири, вполне могла произойти утечка стратегической информации о путях на юго-восток. Первые иностранные мастера-рудознатцы появились в Восточной Сибири только в 1697 г. Это были греки А. Левандиан с товарищами, обследовавшие месторождение серебра на р. Коштак в Томском уезде.

Итак, с Я. Хрипуновым на Тунгуску был послан из столицы только И. Репа, который просил определить ему в помощь еще серебряного мастера и кузнеца. Царь распорядился послать из Тобольска рудознатца-

плавильщика, «которой бы из руды серебро и медь и олово плавить знал ... а буде в сибирских городах плавильщика нет, и с Яковом Хрипуновым послати ис Тобольска серебряново мастера да кузнеца». Грамота тобольским воеводам, в том числе и с этим распоряжением, была отправлена 28 января 1627 г. Однако местные власти не смогли найти в сибирских городах рудознатца-плавильщика и отправили с Яковом Хрипуновым только серебряного мастера «из тобольских служилых людей».

Надо сказать, что в то время среди сибирских служилых были разные «умельцы» серебряного дела, в том числе и такие, как качинский казак Васька Артемьев Серебряник. Он был пойман на том, что делал оловянные деньги в Маковском остроге. Царской грамотой от 24 февраля 1629 г. было предписано попытать Ваську повторно и выяснить, с кем он те «воровские деньги» делал и как давно этим занимался. Но казак стоял на своем – все делал один, причем впервые применил в Маковском остроге такой способ: «лил в персть, зделав из дерева опоки и напечатав серебряною наугородою (т.е. деньгой. – *И. М.*)»⁶.

В составе экспедиции Я. Хрипунова не было специальных служилых людей для посылок, отправленных из Москвы. Учитывая дальнейшее расстояние, предполагалась следующая система связи со столицей. Яков должен был посылать кого-то из служилых приборных людей, находившихся в его отряде, с донесениями до ближайшего острога (Енисейского или Красноярского). Воеводы этих острогов, если была оказия, передавали сообщения в Москву или тобольским воеводам, а те, в свою очередь, отправляли посыльных в столицу.

У Я. Хрипунова была просьба послать с ним тех пятерых людей, которых он отправлял на Тунгуску в 1624/25 г., так как они знали дорогу. И особо он просил отпустить с ним шурина Микиту Савинова Воейкова, ссылаясь на свой преклонный возраст. М. Воейков служил в Разрядном приказе «из житья». Эти просьбы Я. Хрипунова были выполнены. Кроме того, с ним было послано 150 служилых людей из сибирских городов, что было обусловлено военной опасностью и задачами экспедиции. Из Москвы было указано только общее количество служилых; очевидно, дальнейшую разрядку по городам определяли тобольские воеводы. Отряд имел следующий состав: по 30 стрельцов, казаков и литвы – из Тобольска, Тары, Березова и Тюмени, 10 – из Пельыма, 20 – из Сургута⁷. Также было дано распоряжение послать с Я. Хрипуновым из Нарымского острога священника.

Вопросы финансового обеспечения экспедиции на Тунгуску требовали тщательной подготовки и продуманности. Необходимо было учитывать дальнейшее расстояние и, в связи с этим, длительность экспедиции,

трудности с обеспечением хлебом в Сибири, постоянную нехватку денежных средств в бюджетах сибирских городов и т.п.

В царском указе от 18 января 1627 г. в первую очередь было оговорено обеспечение на период экспедиции Я. Хрипунова и И. Репы. Было решено выдать им окладное жалование вперед на два года (1626/27 и 1627/28 гг.) из тех учреждений, где они числились на службе. В этот же день была отправлена память в Костромскую четъ дьяку П. Григорьеву о выдаче жалования в размере по 20 руб. в год Я. Хрипунову из четвертных доходов на Москве.

19 января была послана память в Приказ Большого дворца о выдаче оклада И. Репе. О выполнении предписаний руководство этих учреждений должно было доложить в Приказ Казанского дворца. Через два дня из Приказа Большого дворца было сообщено, что в списке дворовых людей И. Репе написан оклад 12 руб. и по 10 четвертей ржи и овса. Однако Приказ Большого дворца не спешил выдать ему деньги, поскольку книги выдачи жалования сгорели во время пожара 1626 г., а очевидцы утверждали, что в 1625/26 г. Иван ни у какого государева дела в Оружейном приказе не был. И. Репа подал челобитную о том, что он не получал жалования за тот год, и оно находится у В. Леонтьева в Серебряной палате. Таким образом, становится понятным, почему И. Репа оказался в составе экспедиции в качестве серебряного мастера: он имел некоторый опыт работы в Серебряной палате.

Хлебную подмогу Я. Хрипунов и И. Репа должны были получить в Сибири. Было предписано выдать руководителю экспедиции 60 четвертей ржи и 60 четвертей овса, а И. Репе – его годовой хлебный оклад. Согласно отписке тобольских воевод, с расчетом на два года Я. Хрипунов получил перед отъездом из Тобольска в Енисейск в 1628 г. «государева жалования подмоги» 90 четвертей ржаной муки, 45 четвертей круп и толокна, а И. Репа – 20 четвертей ржаной муки, 10 четвертей круп и толокна.

В Приказе Казанского дворца они также должны были получить денежную подмогу (в частности, Я. Хрипунов – 60 руб.). Позже, когда Якову пришлось задержаться на год в Тобольске, он просил выдать его жалование на 137 (1628/29) г. своему племяннику К. Веригину и прислать для него в Тобольск дополнительные запасы. Распоряжение о выдаче подвод под эти запасы было дано в Ямской приказ в ноябре 1627 г. Уже находясь на Верхней Тунгуске, он также обращался с челобитной к царю: «...по греху по моему на дороге запасишко мое все потонуло, и ныне я на твоей государевой службе помираю голодною смертью, смилуйся, государь, пожалуй меня для моей старости и увечья – вели отпустить ко мне братишка моего Офонасья Нармацкаго с запасишком. А тот брат

живет у тебя, государь, в житье, а поместьица у него нет нигде». Челобитная пришла в Москву в конце декабря 1628 г. В начале 1629 г. А. Нармацкий получил подорожную для проезда в Сибирь.

Сохранилась еще одна челобитная Я. Хрипунова, отправленная с Верхней Тунгуски, в которой он опять писал, что у него «запасишко исшел», просил дать под запасы с Москвы подводы, чтобы он на государственной службе «без запасишка с нужи и не погинул». В последних двух случаях речь идет не о выдаче государственной поддержки, а только об оказании помощи в транспортировке запасов, которые, очевидно, доставлялись из поместья Якова. Просьбы были удовлетворены. Я. Хрипунов уже имел опыт пребывания в Сибири, знал, какие трудности с обеспечением там могут возникнуть. Он подал царю челобитную, в которой писал, что поместье его пусто, а «вотчинки нет нигде ни единой четверти», и просил дать ему «для государевой сибирские дальние службы винца и метку». 20 января 1627 г. государь распорядился выдать Я. Хрипунову на Верхотурье 20 ведер вина и 12 пудов меду.

На период несения государевой службы в Сибири Я. Хрипунов также получал ряд льгот. Его поместье в Белозерском уезде освобождалось от уплаты в казну ямских денег, стрелецкого хлеба и прочих налогов. Пока Яков будет находиться в Сибири, запрещалось судить его людей и крестьян, кроме татьбы и разбоя с поличным. Такие льготы были обычным делом при отправке на административную службу в Сибирь. Соответствующие памяти были направлены 27–28 января 1627 г. во Владимирскую четь, в Стрелецкий и Ямской приказы.

В царском указе от 18 января 1627 г. для И. Репы не предусматривалось каких-либо льгот. Однако он подал челобитную, в которой просил на время поездки в Сибирь освободить его семью от уплаты оброка за дворовое место и дать жене с детьми кормовое жалованье, «как тебе (т.е. государю. – *И.М.*) Бог известит ... чтобы не уморить их с голоду». Его двор находился на монастырской земле у Рыбного двора, позади церкви Иоанна Предтечи, поэтому вопрос об уплате оброка нужно было урегулировать с игуменом. Царским указом от 29 января 1627 г. было предписано на время отсутствия Ивана платить оброк за дворовое место по 1 руб. на год из государевой казны, а жене и детям выдавать корм по 10 коп. на день из Приказа Казанского двorca.

В указе от 28 января 1627 г. тобольским воеводам А. Хованскому и И. Вольнскому предписывалось: всем тем, кто будет послан с Я. Хрипуновым из Тобольска и других сибирских городов, выдать денежное и хлебное жалованье согласно их окладам на 2 года. Все 150 служилых людей, серебрянник, кузнец, енисейские стрельцы Т. Савин с 3 товари-

щами, подьячий, 2 толмача и священник получили денежное жалованье на 136 (1627/28) г. и вперед на 137 (1628/29) г. 1710 руб. 87,5 коп.

Хлебное жалованье собиралось для участников экспедиции по сибирским городам также с расчетом на два года. Они получили 1863 четверти ржаной муки, 548 четвертей с полуосминою круп и толокна. Тюменским служилым людям было выдано в Тобольске вместо муки, круп и толокна 85 четвертей с осминою ржи, 63 четверти с полуосминою и полчетверика овса (из расчета за четверть круп и толокна по 2 четверти овса), так как в Тюмени они уже получили хлебное жалованье на 136 (1627/28) г. мукою, крупами и толокном, а тобольским и других сибирских городов служилым людям было выдано жалованье на тот же год рожью, а вместо круп и толокна – овсом.

За зиму – начало весны 1627 г. в Москве довольно оперативно были решены все вопросы подготовки экспедиции, и Я. Хрипунов отправился в Тобольск. Туда он прибыл 20 мая с указанием как можно скорее выехать в Енисейский острог, там погрузиться на специально подготовленные для плавания по малым рекам суда и оттуда двигаться на Тунгуску. В Приказе Казанского дворца даже предусмотрели, как ускорить переезд отряда через Енисейский волок. Тобольским воеводам поручалось отписать в Енисейский острог, чтобы оттуда выслали пашенных крестьян на лошадях к Енисейскому волоку для перевоза через него запасов и вооружения экспедиции Я. Хрипунова, чтоб «ему, Якову, за тою воскою мешкоты, нашему делу поруки не было». Но на реализацию решений, принятых в Москве, у сибирских властей ушел год. Отряд Я. Хрипунова смог выехать из Тобольска только 18 мая 1628 г.

Яков видел причину задержки в нерадении воевод и периодически сообщал об этом в Москву. На самом же деле проблема заключалась в отсутствии необходимых средств. Если к приезду Я. Хрипунова в Тобольск мука, крупа и толокно были подготовлены, то денег на двухгодичное жалованье служилым людям и на изготовление судов не было. Подготовка экспедиции на Верхнюю Тунгуску в Енисейске совпала с отправкой в Качинскую землю А. Дубенского с отрядом казаков в 400 человек для строительства Красноярского острога. И все деньги (более 500 руб.), отправленные из Тобольска в Енисейск, судовые снасти, купленные в Великом Устюге для экспедиции Я. Хрипунова, а также взятые из казны и у торговых людей, были израсходованы на снаряжение отряда А. Дубенского. По подсчетам тобольских воевод, на отправку экспедиции Я. Хрипунова (жалованье служилым, покупка судовых снастей и изготовление судов) требовалось 3004 руб. 45 коп. А. Хованский и И. Волинский просили царя дать о том указ как можно скорее, потому что в

случае положительного решения можно было еще успеть привезти деньги и судовые запасы в Тобольск зимним путем, и тогда бы Я. Хрипунов смог уехать в Енисейск весной 1628 г.

Тем временем в Москве уже было принято решение послать необходимую сумму в Тобольск из Казани. Деньги должны были привезти сибирские служилые люди во главе с березовским сыном боярским И. Мокринским, возвращавшиеся из столицы после доставки сюда пушнины. Они привезли в Тобольск 5966 руб. 93 коп. с половиною деньги. 29 января 1628 г. из этих денег 660 руб. было отправлено енисейскому воеводе В. Аргамакову, чтобы сделать или купить готовые суда по тамошней «прямой цене». Часть денег была отдана для покупок судовых запасов на Великом Устюге и у Соли Камской. В конечном итоге, на покупку судовых снастей было израсходовано 219 руб. 67 коп., а на прочие мелкие тобольские покупки для экспедиции – 12 руб. 68,5 коп.

В целом на отправку экспедиции Я. Хрипунова в Тобольске было потрачено 2603 руб. 23 коп., 2146 четвертей с осминою муки и ржи, 617 четвертей с полуосминою круп и толокна, 55 четвертей с осминою и четвериком и полполчетверика круп и толокна, 111 четвертей с полуосминою и полчетверика овса.

Существовала еще одна статья расходов на экспедицию Я. Хрипунова – подарки тунгусским князям и их людям. Составляя в Приказе Казанского дворца роспись всего необходимого для поездки на поиски серебра, Яков основывался уже на имевшемся опыте отношений с коренными народами. Подчинение сибирского населения в первую очередь должно было происходить мирным путем. Насильственные военные методы предполагались только в случае непокорности, отказа пойти «под высокую царскую руку». Такова была официальная позиция Московского государства в процессе колонизации восточных территорий. Поэтому русские отряды везли в Сибирь в числе прочего подарки и угощение (хлеб, вино, мед) для коренного населения.

Зная потребности тунгусов, Я. Хрипунов просил послать с ним для «государева жалованья в роздачу: пуд олова в блюдах и в тарелках, пуд одекуев камня, 2000 решеточек оловянных, 300 ножей зырянских, 200 зерколишек, 2000 булавок, 3000 игол, 2000 змеевых головок, полпуда бисеру». Еще он говорил, что «надобно с ним послати муки рженые и круп, и толокна, и вина, и меду, и солоду, чем кормить и поить новых землиц людей, да котел пивной медной, в чем пиво варить новых землиц людем, в 12 ведр».

29 января 1627 г. верхотурскому воеводе С.Н. Гагарину и подьячему К. Стахову была направлена память с указанием послать с Я. Хрипу-

новым 40 ведер вина, 30 пудов меда пресного, по 20 четвертей солода и хмеля на пиво. Несколькими днями раньше было дано указание в Устюжскую четь о покупке на Великом Устюге из местных средств несколько иного набора подарков для тунгусов, чем просил Я. Хрипунов: «котел медной в 12 ведр, пуд 29 гривенок с четвертью гривенки олова в блюдах и в тарелех, пуд 3 гривенок декую, 3000 игол, 900 булавок, 2000 пугвиц оловянных, 50 зеркал». По сообщениям устюжских целовальников, на эти подарки и на инструменты для поисковых работ было израсходовано 58 руб. 65,5 коп. Хлеб для тунгусов Я. Хрипунов должен был получить в Тобольске. Местными властями были выполнены все указания.

Итак, к моменту отправки экспедиции Я. Хрипунова в Енисейский острог, с учетом затрат из казенных средств на выдачу жалованья Я. Хрипунову и И. Репе в Москве, расходов в Великом Устюге, Тобольске и Енисейском остроге, было потрачено 2805 руб. 88,5 коп. Из этой суммы 66 % составляло жалованье участников экспедиции⁸, которое они бы получили, находясь и на другой службе (разве что за исключением 60 руб. на подмогу Я. Хрипунову). Таким образом, дополнительные прямые затраты казны на проведение данной экспедиции составили около 951 руб. При этом необходимо учитывать и косвенные расходы – несобранные налоги с поместья Я. Хрипунова, поддержка семьи И. Репы, урон, нанесенный грабежами отряда Я. Хрипунова и проч. Задача усложнялась тем, что необходимо было сразу выдать из казенных средств большую сумму денег.

Жалованье отряду Я. Хрипунова было выдано только на 136 (1627/28) и 137 (1628/29) гг., а экспедиция продолжалась до весны 1630 г. Тобольским воеводам было указано посылать денежное и хлебное жалованье отряду Я. Хрипунова ежегодно, «сметя по людям да и не спустя времени поране для дальново пути». На усмотрение местной администрации оставлялось решение, кто должен был везти деньги и хлеб на Верхнюю Тунгуску⁹. Но, скорее всего, этот указ не был выполнен, так как в отписках воевод об этом не упоминается. Согласно управленческой практике XVII в., государство осуществляло контроль за оборотом казенных средств экспедиций с помощью целовальников. В экспедиции Я. Хрипунова обязанности целовальника выполнял тобольский конный казак И. Вычегда.

На подготовительном этапе в обязанность специалистов-рудознатцев любой экспедиции входило составление росписей необходимых материалов для опытов и оборудования. В росписи необходимых снастей «для серебряного дела» И. Репа указал: «Наковально болшое кузнечкое, наковально меньшое избное, тиски, 3 меха дутых кузнечных, 3 молота, емки железные, 3 клещи железные». Мастер сказал, что у него все это

есть, и просил дать ему государева пожалованья за снасть. Царь распорядился заплатить Ивану за снасти, дав ему 9 руб. 76 коп. из казенных денег. Кроме этого, И. Репа сказал, что для поисков серебряной руды понадобится «деловцам» (т.е. тем, кто будет производить земляные работы) 50 заступов, 30 кирок, 5 щупов, 3 лома и 10 топоров. 25 января 1627 г. была послана память в Великий Устюг воеводе П. Волынскому и подьячему С. Матюшкину о покупке этих инструментов на средства из устюжских доходов и передаче их Я. Хрипунову, когда тот поедет в Сибирь через их город. Для проведения опытов был необходим определенный набор химических материалов, причем мастера должны были иметь в своем арсенале средства для определения любых металлов. Всеми химикатами необходимо было запастись в столице.

Поскольку экспедиция Я. Хрипунова была нацелена на поиски серебра, то для опытов И. Репа попросил фунт нашатырю, фунт селитры, 2 косяка мыла, пуд воску, 30 груд глины «мелкишовые» на горшки. Царь указал (соответствующая память была отправлена 26 января 1627 г.) выдать селитру из Пушкарского приказа, а остальное купить в Москве.

Важнейшими проблемами при подготовке экспедиции на Верхнюю Тунгуску являлись ее вооружение и транспорт. В этих вопросах руководство Приказа Казанского дворца полностью доверилось опыту Я. Хрипунова. По мнению руководителя экспедиции, ее военный «наряд» должен был состоять из полуторной пищали, 2 пищалей-волконеек и 4 затинных пищалей. Все это вооружение, а также зелье и свинец, царь распорядился выдать Я. Хрипунову в Тобольске. Но тобольские воеводы не смогли полностью выполнить требования Я. Хрипунова по вооружению, так как в городском арсенале не оказалось волконеек и затинных пищалей. Согласно отчету тобольских воевод, «пушечных запасов вышло тобольским и иных сибирских городов служилым людем 150 человекам, да енисейскому стрельцу Терешке Савину, пуд 35 фунтов с четвертью зелья, пуд 35 фунтов с четвертью свинцу. Якову Хрипунову дано в Тобольске наряду: пищаль полуторная медная, ядром в полчетверта фунта, в станку, колеса окованы с железом; 2 пищали полковые медные, ядром по фунту с четвертью, в станках на колесах, да к полуторной пищали 20 ядер железных, да к полковым пищалем 20 ядер свинцовых, да пушечных запасов 20 пудов пушечново и пищалново зелья, 20 пудов свинцу».

Проблема обеспечения транспортом состояла из двух частей: доставка участников экспедиции от Москвы до Тобольска и передвижение отряда в ходе поисковых работ. Первая часть проблемы возлагалась на Ямской приказ, вторая – на местные органы власти. В царском указе от

18 января 1627 г. был определен порядок предоставления подвод из Москвы: Я. Хрипунову «дать против сибирских воевод, которые посланы в сибирские города в нынешнем 135 (1627) году», И. Репе дать подводы «с прибавкою».

Пожалуй, самой трудной и затратной была проблема доставки отряда в район поисков. В Приказе Казанского дворца очевидцы свидетельствовали, что обычными большими судами, на которых ходили сборщики ясака, вверх по Тунгуске не подняться, необходимы более мелкие суда. Я. Хрипунов сказал, что такие суда можно сделать в Енисейском остроге. Он подал воеводам роспись, «что надобно в ход для сыску серебряных гор судов и всяких судовых запасов, в чем идти из Енисейского острогу вверх по Тунгуске». В росписи значилось 10 кочей и 10 «струшков однодеревых гребных».

В связи с этим в Москве рассматривалось несколько возможных вариантов решения проблемы. Они были изложены в указе тобольским воеводам. Сначала необходимо было выяснить у тех, кто бывал в Енисейском остроге, есть ли там такие суда. Если скажут, что готовых казенных судов нет, то «переписать» необходимые суда у торговых и промышленных людей в казну, заплатив их бывшим владельцам. В случае отсутствия требовавшихся судов, тобольские воеводы должны были послать в Енисейский острог деньги и велеть делать там суда приезжим торговым, промышленным и служилым людям и пашенным крестьянам, «а за лес и за дело давать деньги как пригоже», чтобы отряду Я. Хрипунова не было «за суда простою и мешкоты и государеву делу порухи».

По расспросам тобольских служилых людей Петрушки Филиппова с товарищами и посадского человека Семейки Конанова было выяснено, что «ставятца кочи в Енисейском остроге по 60 рублей», поэтому «на то кочевое дело денег надобно 600 рублей». А однодеревые суда – «струшки» – можно было купить в Енисейском остроге по 6 руб. Следовательно, на покупку 10 стругов нужно было 60 руб. Таким образом получалась посланная В. Аргамакову сумма – 660 руб. Эти деньги были предназначены только на оплату работы судостроителей.

Для кочей требовалось 10 парусов, а на них холста 5000 аршин. По тобольской «порядовой цене» на это требовалось 125 руб. Всяких судовых веревок необходимо было 5280 саженой, весом 132 пуда. По тобольской «купле» варовым и всяким веревкам была цена 162 руб. На кочи, плотничные снасти, для острожного строения по смете требовалось 30 пудов железа; по тобольской «порядной» цене это железо стоило 30 руб. Все эти холсты, веревки и необходимое «для судового ходу и для судового дела и для острожного ставленья» (10 якорей «весом по 4

пуда якорь, 10 багров, напарей больших, напарей малых, тесел, оборотен, 20 просеков изпаников, 20 скобелей, 10 долот, 10 тесников, 30 сверл больших и малых, 300 гвоздей в шесть вершков, 300 четвертных, 10 крюков с пробой к сопцам, 1000 скоб судовых, да к острожным воротам 2 веретена с пробой, 2 замка вислых, замок колодной к анбару») и «для всякие хлебные поделки» (пуд железа и полпуда «укладу») повез Я. Хрипунов со своим отрядом из Тобольска и Березова на 13 дощаниках, «да у тех судов лотка набоиница и девять боток малых». Но это было еще полдела. Выяснилось, что в Енисейском остроге нет кочевых мастеров, поэтому пришлось в срочном порядке послать из Тобольска двух уставщиков. 29 октября 1628 г. Я. Хрипунов писал с дороги, с р. Кеть, что воевода В. Аргамак «не радеючи твоим государевым делом, судов не делает и лесу не изготовил». Необходимо отметить, что опыт снаряжения отряда Я. Хрипунова использовался властями спустя 10 лет при отправке отрядов на р. Лену. Расчеты судовых запасов делались по примеру этой экспедиции¹⁰.

В царских наказах, адресованных руководству экспедиций, определялись задачи и функции их основного состава и давалась подробная инструкция действий. Анализ этих документов позволяет получить представление о правительственной концепции организации геологоразведочных работ. Поскольку поиски цветных и драгоценных металлов проходили на землях, различных по форме собственности, этническому составу, степени освоения, то представляется важным проследить, как влияла специфика территорий на эту концепцию. Наказы составлялись в Москве еще до отправки экспедиций и базировались в основном на умозаключениях и столичных представлениях об условиях деятельности поисковиков в восточных районах. Реальная жизнь вносила свои поправки, поэтому в ходе деятельности экспедиций центральные власти корректировали свои инструкции указами и грамотами, шло накопление опыта.

Наказ Я. Хрипунову 1627 г. начинался традиционно: указание места назначения, объяснение причины посылки, определение состава экспедиции и источников получения средств и снаряжения. Дальнейшие распоряжения были обусловлены обстоятельствами, в которых должна была проходить экспедиция. Отряду Я. Хрипунова предстояло найти то место, где брать серебро или «серебряную руду». Для этого нужно было вступить в отношения с неизвестными князьями Окунем и Кельтей. Далее в наказе шла довольно подробная инструкция, как строить эти отношения. Не дойдя до князцов, Я. Хрипунову рекомендовалось послать к ним нескольких служилых, «добрых, сколько человек пригоже». Приехав к князцам, те служилые люди должны были сказать: «Царь пос-

лал Якова со многою ратью их, князцов, от недругов их, от иных землиц людей, которые землицы на них приходят войною, оберегати. И они б князцы, ехали к нему, Якову, или б прислали от себя лучших людей».

По приезде князцов или выбранных ими лучших людей, Яков должен был вместе с ними и всеми служилыми людьми отправиться в кочевья князцов, «где они кочуют у серебряных гор». Теперь уже сам Я. Хрипунов должен был заверить князцов и их людей, что царь прислал его с ратными людьми для их защиты от недругов, чтобы они жили «в государевом жалованье в тишине и в покое безо всяково сумнения и промыслы своими всякими промышляли, царю служили под его высокою рукою в прямом холопстве на веки вечные и ясак с себя давали, как другие ясачные люди ясак дают, и братью свою призывали и в городках юрты свои полнили. А царь во всем начнет их жаловать своим жалованьем и держать под своею рукою и от недругов оборонять».

Далее необходимо было привести тунгусов к шерти. Если же они не захотят давать шерть и отступного, то Яков и служилые люди были обязаны «промышлять всякими мерами, сколько Бог помочи подаст, чтоб тех князцов привести под государеву руку». После шертования царь указывал князцов и их лучших людей напоить и накормить «довольно», а уж только потом спрашивать про серебряную гору, чтобы они указали, где находится серебро и кто именно у них его плавит. Все выяснив, Я. Хрипунов с отрядом, князцами и плавильщиками должен был ехать к тем горам, поставить там острог, укрепить его, затем сделать «стан» и велеть в своем присутствии плавить серебро.

В данном наказе нашли отражение представления того времени о том, в каком виде должно встречаться серебро в природе: оно могло быть и в чистом виде, и в руде. Я. Хрипунову поручалось «досмотрети, как в горах то серебро родитца или ис тех гор серебро течет, или в тех горах родитца серебряная руда». На тот случай, если в горах окажется не чистое серебро, а руда, то Яков должен был велеть «перед собою ис тех гор сверху и снизу тою руду копати гораздо и глубоко и плавить. И серебра и серебряной руды смотрети, где будет серебро и руда серебряная лутчи, сверху или внизу, а досмотря, где в горах серебро или руда лутчи, велети того серебра или руды перед собою, сделав стан, переплавить». Обращалось внимание на то, чтобы И. Репа «серебра и серебряной руды не крал», а Я. Хрипунов не давал ему «сходиться без себя» с князцами и их людьми, чтобы тунгусы его «не скупили».

Еще одной важной задачей поисковиков являлось определение рентабельности найденного месторождения. Согласно наказу, мастер должен был сказать, «чае ли ис тех гор в переплавке чистого серебра»

и «будет ли та руда добра». И уж если только И. Репа «почает», стольник должен был «велети ис тех гор серебро плавити беспрестанно до тех мест, покаместа к нему, Якову, по тому опыту, каков опыт серебру пришет к государю, государев указ будет».

Наказом предполагалось, что поисковики не должны ограничиваться только одним, уже указанным местом возможного залегания руд, но и вести разведку новых. Описание стратегии поисков других мест было опущено. Видимо предполагалось, что она в достаточной мере отражена в ситуации с князцами Окунем и Кельтей. Акцент делался на их действиях после обнаружения серебра или серебряной руды в нескольких местах. Так же, как и в предыдущем случае, в первую очередь необходимо было провести опыты, поставить у каждого найденного месторождения острог, устроить в них служилых людей. Сам Яков должен был находиться в том месте, где больше будет месторождений серебра. И уже в этой новой ситуации главной его задачей являлось постоянное инспектирование поставленных острожков, чтобы «служилые люди из серебряных мест серебра и серебряных руд не имали и не крали».

В наказе отсутствуют указания об организации непосредственно добычи и производства серебра. Единственное, на что было обращено внимание, так это на то, что для переплавки серебра потребуются лес. Поэтому Я. Хрипунов должен был выяснить, близко ли от месторождений лес, достаточно ли его будет. Если рядом леса нет, то насколько далеко он находится и каким образом его доставлять к плавильням, опасны ли эти пути доставки. Видимо, московское правительство было уверено в фантастических серебряных богатствах Сибири, представления же о процессе добычи и производства серебра были весьма приблизительны. Как обычно, в документе присутствует указание, чтобы руководитель экспедиции в обязательном порядке присылал в Москву образцы породы, результаты опытов и отчеты о своей деятельности.

После организации разработки серебра Я. Хрипунов должен был завершить дело с объяснением князцов и их людей, но взять столько ясака, чтобы их «не ожесточити». Опыт закрепления русских воинских отрядов на новых территориях конца XVI – начала XVII в. был уже усвоен, алгоритм действий отработан, и его подробное описание нашло отражение в наказе Я. Хрипунову. В этом плане обязанности стольника сводились к следующему: обследование ближайшей к острожкам округи на предмет наличия пашни, рыбных ловель, леса и прочих угодий; обеспечение безопасности; покорение «немирных землиц» и их объяснение; организация регулярного сбора ясака с записью в ясачные книги и отправка их вместе с пушницей в Москву.

Также оговаривалась ситуация, если у отряда Я. Хрипунова не хватит сил привести новые «землицы» «под высокую царскую руку». В таком случае Якову необходимо было выяснить, как далеко эти «землицы» находятся, сколько в них и каких людей и сколько необходимо служилых людей, чтобы с ними справиться. Все эти сведения он должен был отправить в Москву и в Тобольск.

В наказе Я. Хрипунова были зафиксированы традиционные запреты для тех, кто находился на административных должностях в Сибири. Не разрешалось торговать своими товарами и посылать с ними служилых людей, выменивать что-либо на запасы. Также запрещалось оставлять себе поминки (подарки, полученные от ясачных людей), которые необходимо было отсылать в Москву; при этом ссылка в документе шла на прецедент с сибирскими воеводами, которые всю пушнину отправляли в столицу. В обязанность Я. Хрипунову также вменялся обыск служилых людей перед посылкой их «для прииску новых земель или в города к воеводам», чтобы они «воровством серебра не вывозили и на товары не меняли».

Через весь наказ красной нитью проходят предупреждения самому Я. Хрипунову, чтобы он добросовестно относился к делу и серебряною рудой не корыстовался. В случае попытки его подкупа князцами для того, чтобы он утаил находку серебра, Яков должен был «у тех князцов подарков не принимать, ничем не прельститца». Наказ заканчивался традиционно для того времени (да и для последующего): обещанием наказания за нерадение государеву делу («великая опала» и взыскание убытков из его жалованья в двойном размере) или «великого жалованья свыше ево меры», если учинит прибыль. Боязнь наказания присутствует во всех отписках Я. Хрипунова в Москву, в которых он сообщает о сложностях и «нестроениях» в экспедиции.

18 мая 1628 г. отряд Я. Хрипунова вышел из Тобольска. Его путь лежал по Иртышу и Оби до Сургута, вверх по Оби до Нарымского острога, вверх по притоку Кети до Маковского (Енисейского) волока, через него на Енисей до Енисейского острога, вверх по Енисею до Верхней Тунгуски (Ангары), по ней в Аплинскую и Шаманскую земли, которые находились в ее верховьях.

16 июля Я. Хрипунов послал из Нарымского острога в Москву вторую отписку¹¹, которую получили в столице 30 сентября (следовательно, на доставку почты потребовалось 2,5 месяца). Он сообщал, что еще в самом начале пути, когда они шли по Иртышу и Оби, 54 служилых человека из его отряда грабили ясачных татар и остяков: отбирали у них рыбу, жир, обласы, котлы и пологи. 29 июня отряд добрался до

Сургутского острога, и там Яков решил наказать тех, кто занимался грабежом. Он приказал бить их батогами и посадить в тюрьму. Но служилые «под суд не дались», а пришли «с шумом» к судну Я. Хрипунова, «бесчестили, лаяли матерны и хотели его убить».

О случившемся он сообщил из Сургута в Тобольск. Воеводы А. Трубецкой и И. Волынский повторили полученную от Я. Хрипунова отписку в своем послании в Приказ Казанского дворца, которое там было получено 30 сентября вместе с нарымской отпиской Я. Хрипунова. Таким образом, мы имеем возможность получить представление о содержании первой отписки Я. Хрипунова (отправленной из Сургута).

В ней излагались дополнительные подробности о непослушании и бесчинствах служилых людей. По приезду в Сургут Яков велел служилым людям перейти с каждого судна по одному человеку на дощаник, в котором находилась государева казна, и на его судно, потому что проводники, обские остяки, с судов сбегают, так как для них «судовой ход не за обычай». Да и на корме они стоять не умели. Также он распорядился взять с его судна остяков на остальные суда вместо тех служилых людей, которые должны были перейти к нему и на государев дощаник, чтобы «ход был спешнее и за проводниками мешкоты не было». Но служилые люди пришли к Я. Хрипунову «скопом и заговором, с великим шумом и с отказом» выполнить распоряжение.

За непослушание Яков послал десятников и сотников в сургутскую тюрьму и, «выняв из тюрьмы» тобольского стрельца Моисейка Русинова и пельмского стрельца Данилка Юрьева, «хотел бити батоги». Однако тарские служилые люди Митька Новгородец, Игнашка Проскуряк и Любимко Андреев отняли арестантов и не дали их наказать, «всякою неподобною лаяли и за людьми его, Яковлевыми, гонялись с ослопы». Сторонники Я. Хрипунова «утекли к нему на судно».

А тем временем остяки сбежали с казенного и Яковлева судов, и Яков остался без проводников. В силу сложившихся обстоятельств Я. Хрипунов считал, что он не успеет добраться до Маковского острога летом 1628 г. В его отписке в Тобольск также сообщалось, что тобольские и тарские служилые люди написали «меж себя запись, что им, идучи дорогою, торговых и промышленных людей, которые им навстречу попадутца, грабить».

Яков жаловался, что служилые люди его не слушаются, что «половину дни идут, а другую стоят, и государево казенное судно и ево мечут назад»; лишь сургутские служилые люди «не приставали к тому воровству».

Вернемся к отписке Я. Хрипунова, посланной из Нарымского острога, куда отряд пришел 12 июля 1628 г. Бесчинства и непослушание

части служилых людей продолжались и там. 16 июля в Нарым приехало около 100 торговых людей из разных городов. На берегу под острогом они подверглись нападению и ограблению все тех же служилых людей. Яков жаловался, что служилые опять грозились его убить и ни в каких государевых делах его не слушаются. На обороте столбца с отпиской имеется помета: «Государю чтена, в столп писано о том подлинно».

В отписке тобольским воеводам из Нарымского острога, отправленной 6 августа, Я.Хрипунов также сообщал, что служилые люди не дают «на обмену» кормщиков на казенное и его суда, поэтому он идет «назад с великою нуждою и мешкотюю». Там, где обычно проходят путь за один день, он идет два дня, потому что «остякам на тех судах ход шестами не за обычай». Яков опять писал о нападениях служилых людей на ясачные юрты, которые встречались им по дороге. Ясачные приходили с жалобами к Я. Хрипунову, но служилые ему «под суд не давались». К тому же они распродали по городам окладные хлебные запасы и «проигрались зернью». В росписи, присланной в Тобольск Я. Хрипуновым, значилось 67 «приставших к воровству».

Приблизительно в то же время 70 служилых людей, которые заняли сторону Я. Хрипунова, написали в Тобольск челобитную на имя царя о событиях в Сургуте и Нарыме. Они сообщали, что пытались «унимать от воровства» непослушных, но последние хотели их «убить и ножами перерезать» и «вперед грозились убийством». Служилые люди просили переменить 49 человек¹², чтобы «от их воровства вконец не погинуть и государевой службы не отбыти» и чтобы было с кем нести эту службу. Челобитная была подписана попом Исаком и еще 5 людьми.

Вместе с этим документом в Тобольск из Нарыма пришло еще одно сообщение письменного головы П. Салманова о том, какие бесчинства творили служилые люди, посланные с Я. Хрипуновым, в Нарымском остроге. В его подчинении в то время находилось только 13 человек, остальные были в разных службах. Такими силами было невозможно защитить торговых и промышленных людей.

Во время прохождения отряда по Оби к нему должны были присоединиться 30 служилых людей из Березова. Я. Хрипунов рассчитывал, что это произойдет в Сургуте, но там он их не дождался и ушел в Нарым. А тем временем березовские служилые люди не спешили на государеву службу и занимались грабежом промысловых артелей на Оби. Сургутский воевода, получив об этом сообщение, пытался вернуть награбленное, велел привезти березовских служилых на очную ставку в Сургут, но те ответили людям воеводы: «Буде велено взять их по неволе, и мы де готовы с вами битца».

Тобольские власти, получив тревожные сообщения от Я. Хрипунова, сургутского воеводы и нарымского письменного головы, послали из Тобольска сына боярского и подьячего. Они должны были взять у енисейского воеводы В.Аргамакова служилых людей и у Я. Хрипунова тех, кто не был замешан в «воровстве», и переловить бесчинствовавших служилых, а затем расспросить их порознь, по какому они умышлению «воровскую запись» писали и «по чьему наученью торговых людей грабили», и не хотят ли они, покинув Я. Хрипунова, с государевой службы сбежать? «А буде те воры учнут во воровской записи и в грабленой рухледи запираяться», то тех воров, на кого Я. Хрипунов укажет, было велено «писать ... во всяком их воровстве, а сыскав воровскую запись и грабежную рухледь, тех воров за их воровство, около острогу и по улицам водя, бити кнутом нещадно», затем выбрать из них самых «пущих» зачинщиков, от города по человеку, и до государева указа посадить в тюрьму, чтобы «на то смотря, не повадно было так иным служилым людям воровати». Вместо арестованных Я. Хрипунов должен был взять у В. Аргамакова енисейских стрельцов, которым передавалось хлебное и денежное жалованье посаженных в тюрьму. Посланному сыну боярскому было предписано привезти в Тобольск «воровскую запись», все награбленное, а также расспросные и пыточные речи. Затем «грабежную рухледь» необходимо было возвратить пострадавшим торговым и промышленным людям по их челобитным.

Руководство Приказа Казанского дворца ознакомило с содержанием отписки тобольских воевод царя Михаила Федоровича. Как отмечено на ее обороте: «Государь слушал и указал ждать ис Тобольска о том иные отписки, что тобольской посылке зделаетца, повелел доложить себе, государю». Таким образом, на данном этапе центральная власть была удовлетворена действиями тобольских воевод по пресечению «воровства» и пока не вмешивалась в развитие событий.

В силу описанных Я. Хрипуновым обстоятельств отряд медленно продвигался к Енисейскому острогу. Было уже очевидным, что выйти вверх по Тунгуске всей экспедицией удастся только уже весной следующего 1629 г. Поэтому Яков решил выслать вперед небольшой отряд для разведки. Из Кетского острога под Братский порог он отправил своего шурина М. Воейкова с 12 служилыми, среди которых были Терентий Савин и Игнатий Проскуряк (последний участвовал в бесчинствах в Сургуте и Нарыме).

24 марта 1629 г. И. Проскуряк был доставлен из Енисейского острога в Тобольск «в государевом деле». Тобольские воеводы расспросили его об экспедиции Я. Хрипунова. У него оказались и образцы предпола-

гаемой серебряной руды. Расспросная речь И. Проскурьяка, составленная в Тобольске, была первым свидетельством очевидца о том, как экспедиция Я. Хрипунова выполняла свою главную задачу – поиски серебра.

Летом 1628 г. группа М. Воейкова добралась до Енисейского острога, а оттуда двинулась по Енисею и Тунгуске в зырянском каючке. После 26 дней пути эти люди «сыскали первую руду на Тунгуске реке под Брацким порогом в горе; а та гора пришла к Тунгуске реке кольцом, поперечье ее тысяча сажен, а вышиною с Тобольскую гору». Взяв руды для опыта, М. Воейков с товарищами поехали назад, изыскивали «другую руду в Име реке, в горе ж, а та Им река пала в Тунгуску реку». «Третью руду» они нашли в р. Тасееве, которая впадает в Тунгуску, «в горе ж». Образцы породы были переданы Я. Хрипунову. По свидетельству И. Проскурьяка, из трех образцов руды «изо шти золотников (около 25,5 г. – И. М.) родилось три золотника с четвертью (около 13,7 г. – И. М.) чистово серебра». А также он слышал в Енисейском остроге от плавильщика И. Репы, что руда, взятая с р. Има, «всех руд в переплавке будет прибыльнее». Рассказал Игнатий и про планы Я. Хрипунова. Он собирался идти под Братский порог и там поставить острог, потому что там «место пришло крепкое» от него до руды на р. Им 7 верст, недалеко оттуда было и до р. Тасеевой. К выбранному под острог месту «прилегли пашенные места и сенные покосы, и рыбных ловель много». По обследованным притокам Тунгуски жили тунгусы, а «брацкие люди от острогу будут в 3 днищах». Еще И. Проскурьяк слышал, что «в Брацкой де земле есть медяная руда». Также, по его свидетельству, Я. Хрипунов нашел под Енисейским острогом, на речке, где стоит мельница, руду, из которой «родился булат».

17 сентября 1629 г. расспросные речи И. Проскурьяка подал в Приказ Казанского дворца вернувшийся с тобольского воеводства И. Волынский¹³. (Таким образом, в Москве получили первые известия о поисковых работах Я. Хрипунова спустя год после их проведения). Уже на следующий день дьяк И. Болотников прочел эти документы царю Михаилу Федоровичу. Выслушав расспросные речи, государь указал написать в Тобольск воеводам, чтобы они выбрали надежного письменного голову или сына боярского и подьячего «от места» и послали их к Я. Хрипунову. В их задачу входило провести сыск накрепко, опросив служилых людей из отряда Я. Хрипунова, есть ли в тех местах, куда они посланы, серебряная, медная и «булатная» руды, и «чают ли в том государю прибыли». Свое заключение и расспросные речи людей инспекционная группа должна была привезти в Тобольск, а оттуда документы должны были быть послать в Москву. Такой шаг царя Михаила Федоровича объясняется обеспокоенностью тем, что «в том ево, Яковлеве, отпуске и в

подъемех по ся места учинились государевой казне немалыя убытки, и вперед те денги у государя не пропадут ли». Подошел к концу 137 (1628/29) г., и необходимо было принимать решение о дальнейшем финансировании экспедиции.

15 октября 1629 г. в Приказе Казанского дворца получили две отписки тобольских воевод А. Трубецкого и Г. Загряжского с сообщениями енисейского воеводы В. Аргамакова от 27 марта и 8 августа 1629 г. о посылке группы Воейкова. Местные власти были крайне возмущены ее действиями, так как она вторглась в их сферу компетенции – сбор ясака на подвластных тунгусских землях, и нарушила уже сложившийся порядок. В. Аргамаков писал, что М. Воейков «привез с 15 сороков соболей да шуб с 20 собольих». Позже выяснилось, что они захватили силой у князца Болтурина пушнину, приготовленную для сдачи ясака, взамен оставили им котлы и оловянные блюда «не повелику». В результате отправленный из Енисейска под Братский порог стрелецкий сотник П. Бекетов не смог собрать ясак.

Жаловались на М. Воейкова и промысловики. Большой группой торговых и промышленных людей была отправлена в Москву челобитная, в которой они писали: «... Микита с товарищи, идучи вверх по Тунгуске, имал покручеников наших с подводы от промыслов сильно с ватаги человек по 5 и болше от зимовья до зимовья. А назад идучи по Тунгуске, тот Микитка и Терентей с товарищи, приворачивая по тем же зимовьям и по усторонным речкам, по зимовьям ходили и для своей безделной корысти дни по два и болши. И покручеников наших оголодели – хлеб и харч объели и с собою имали, да с них же имали сильно денгами не ведомо за что рублев по 10 и по 12 с ватаги и болше. И платье грабежем имали. А покручеников били и увечили насмерть. Промышлять стало не за чем, хлеба и харчей нет. А се стали от их побоев увечны и промышлять не могут. И мы стали от Микиты Воейкова с товарищи без промыслов голодны и наги, увечны. А преже сего государевы люди из Енисейского острога ходят по Тунгуске для ясачного сбора, и с нас подвод и кормов не имывали, и обид от них не было. А впредь нам для насильства Якова Хрипунова служилых людей в Тунгуску для своих соболиных промыслов ходить будет невозможно». Торговые и промышленные люди просили государя оградить их от «насильств» служилых людей Я.Хрипунова. В присланных отписках енисейский и тобольские воеводы сообщали, что в связи с вышеизложенными событиями промышленные люди отказались пойти на соболиные промыслы, поэтому не будет и сбора государевой соболиной десятинной пошрины на 137 (1628/29) г.

Такое поведение отряда М. Воейкова вызвало негативное отношение местных властей и к их деятельности по поиску серебра, которая подавалась в отписках как весьма сомнительная. В мартовском сообщении В. Аргамаков писал, что М. Воейков привез из-под Братских порогов «каменья для прилики (т.е. для приличья. – *И. М.*), что будто де то серебряная руда». В августовской отписке енисейский воевода сообщал, что «каково де каменья привозят они в Енисейский острог, а называют серебряною рудою, и таково каменья прислал в Енисейский острог из-под Брацкого порогу сотник стрелецкой Петр Бекетов».

Тобольские воеводы сообщали, что до 17 августа (т.е. до составления отписки в Москву) они не получили от Я. Хрипунова никаких известий и образцов руды. Те «каменья», которые привез в Енисейский острог П. Бекетов, были отправлены вместе с отпиской в столицу. Выслушав отписки тобольских воевод, царь Михаил Федорович взял присланные образцы породы «к себе, ко государю, в хоромы и хотел приказать переплавить». Этот факт, зафиксированный на оборотной стороне отписки из Тобольска, еще раз свидетельствует о большом интересе царя к поискам серебра на далекой Тунгуске и активном личном участии в оперативном управлении ею.

Была проведена опытная плавка «каменьей», забранных у И. Проскура и привезенных И. Волынским, а также найденных П. Бекетовым. В результате переплавки «в той руде оприч серы серебра не объявилось нисколько». После этого 13 ноября 1629 г. царь распорядился вновь отправить в Тобольск грамоту с распоряжением послать письменного голову (или сына боярского) и подъячего для проведения сыска о наличии серебра в тех местах, где находилась экспедиция Я. Хрипунова, и прислать материалы проведенного сыска в Приказ Казанского дворца. А 3 февраля 1630 г. государь решил уже не ждать сообщений о результатах проверки из Тобольска и приказал послать тобольским воеводам грамоту с указанием самим проверяющим принять решение о целесообразности дальнейших поисковых работ экспедицией Я. Хрипунова. В том случае, если они «не чают» серебряной руды в тех местах, где о ней говорили, то им предписывалось «Якова Хрипунова со всеми служилыми людьми и со всем взяти в Тобольск, потому что по ся места в том его, Яковлеве, отпуске и в подъемех учинились в государевой казне многие расходы, а промыслу от него, Якова, никакова не объявилось». 14 февраля из Москвы был отправлен указ тобольским воеводам с требованием сообщить о приезде Я. Хрипунова в Тобольск.

По получении первого же распоряжения о проведении сыска, кающегося целесообразности дальнейших поисковых работ на Тунгуске,

из Тобольска в Енисейск были отправлены сын боярский М. Байкашин и подьячий. 28 апреля вслед за ними с последним царским распоряжением воеводы послали служилого литвина В. Быковского и стрельца К. Филиппова, которым было велено ехать «наспех днем и ночью».

Тем временем в Енисейский острог пришло сообщение с Тунгуски, из Нимского зимовья (енисейская ясачная волость), от атамана Максима Перфильева, ездившего с Я. Хрипуновым в качестве подьячего, о том, что 17 февраля 1630 г. Яков умер. Это известие привезли казаки Т. Прокофьев, С. Семенов и П. Мещеряк. 13 июня новый енисейский воевода С. Шаховской прислал их в Тобольск. Расспросные речи этих казаков стали вторым свидетельством очевидцев о непосредственной деятельности поисковой экспедиции Я. Хрипунова.

Добравшись до Енисейского острога к осени 1628 г., отряд Я. Хрипунова был вынужден провести там зиму и двинулся дальше в путь 30 мая 1629 г. По свидетельству казаков, Я. Хрипунов отправился искать серебряную руду за Братский порог и дошел «до устья Оки реки и вверх по Ангаре реке¹⁴ до устья Осы реки», но серебряной руды нигде не нашел и пришел зимовать со всеми служилыми людьми в Нимское зимовье под Братский порог в острожек. Отряд был вынужден вернуться туда на зимовку потому, что за Братским порогом вверх по Ангаре «прилегли многие немирные землицы», а перевезти за пороги на судах свои запасы и вооружение служилые люди не смогли. После смерти Я. Хрипунова все снаряжение экспедиции осталось «на руках» М. Перфильева и целовальника, тобольского конного казака И. Вычегды. Казаки сказали, что «скольку было Якову Хрипунову для сыску серебряной руды не ходить, а серебряной руды не сыскать». Про тех же князцов, о которых рассказывал в приказе Казанского дворца Я. Хрипунов, экспедиция даже не слышала. Они также сообщили, что М. Перфильев со всем отрядом собирается «нынешние весны по первой полой воде за льдом» прибыть в Енисейский острог.

После расспроса казаков тобольские воеводы отправили в Енисейский острог указание М. Байкашину и подьячему, чтобы они со всей экспедицией и снаряжением возвращались в Тобольск. А енисейскому воеводе С. Шаховскому было предписано взять и «устроить где пригоже» до государева указа суда, на которых ходила экспедиция, и судовые снасти, потому что из Тобольска их «беречь за дальним расстоянием некому», а также приглядеть до установления зимнего пути за остальным снаряжением, если его не смогут перевезти летом за Енисейский волок в Маковский острожек. Предполагалось, что оттуда снаряжение будет вывезено тобольскими служилыми людьми, которые были посланы в Ени-

сейск с хлебными запасами, по первому зимнему пути, а потом весной по воде будет доставлено в Тобольск.

Весной 1630 г. отряд, теперь уже под руководством М. Перфильева, приехал в Енисейский острог и собирался двигаться дальше в Тобольск, но воевода С. Шаховской велел забрать у них все военное снаряжение. Однако служилые люди не подчинились и «наряда» не отдали. Тогда воевода прислал к их судам около 600 стрельцов, торговых и промышленных людей и пашенных крестьян с луками, пищальми и рогатинами. Они «сбили с судов» служилых людей, захватили вооружение, меха, собранные в братских землях, а также все то, что Я. Хрипунов вез на подарки тунгусам. Служилые люди жаловались в Тобольск, что С. Шаховской избивал их, не отпускал из Енисейского острога, в том числе И. Репу и пушкаря Ф. Пантелеева, заставляя «делать на себя всякое дело». В 1631 г. тобольские воеводы сообщили о енисейских событиях в Москву. Так бесславно завершилась экспедиция по поиску серебра на Верхней Тунгуске.

По мере продвижения русских отрядов на Лену, Индигирку и Шилку периодически поступали новые известия о серебряных богатствах Сибири. После неудачной экспедиции Я. Хрипунова центральные власти не потеряли интереса к поискам цветных и драгоценных металлов. Он прослеживается в наказах землепроходцам, разведывавшим новые земли на восточных рубежах. Служилые люди должны были собирать разнообразные сведения о новых районах, в том числе и об их рудных богатствах. Но в начале 40-х гг. XVII в. государство действовало более осторожно, чем в 20-е гг., неоднократно перепроверяло поступавшую информацию и добивалось более достоверных известий, уже не рискуя вкладывать большие средства в проведение экспедиций на основании сомнительных сообщений. Примером тому могут служить поиски серебра в районе р. Нерчи в 1642 г. и 1644 г., а также поход В. Пояркова на р. Шилку, во владения князца Лавкая, в 1643 – 1646 гг.¹⁵

Из деятельности экспедиции Я. Хрипунова был вынесен еще один урок. Значительная удаленность от центра района ее пребывания обусловила более активное участие и инициативу в управлении ею воеводской администрации по сравнению с экспедициями, работавшими в Прикамье. В некоторых случаях центральные власти возлагали на тобольских воевод решение тактических вопросов, при этом оставляя за собой определение стратегии. В дальнейшем этот опыт был учтен и изменены организационные принципы проведения геологоразведок на восточной окраине. Из центра стали поступать только директивные указания и сохранялось условие обязательной отправки в Сибирский приказ

отчетов о проведенных разведках, образцов найденных руд и результатов опытов. Все остальные вопросы решались местными воеводами. Таким образом, опыт экспедиции Я. Хрипунова на Верхнюю Тунгуску не прошел для правительства даром.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы, связанные с поиском серебра на Верхней Тунгуске, в основном подклеены в один столбец, но не в хронологическом порядке. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 18. Л. 1 – 264. Отдельные документы имеются также в других столбцах (Стлб. 12, 16, 41).

² Я. Хрипунов был первым воеводой Енисейского острога, приехавшим из Москвы, находился на этой должности с мая 1623 по 1625 г., имел поместье в Белозерском уезде.

³ М. Перфильев был направлен в экспедицию из Енисейского острога, позже неоднократно посылался для разведывания новых земель в Восточной Сибири. Считается основателем Братского острога (1631 г.). В 1633 г. его отряд первым вышел по р. Лене к Ледовитому океану. См.: История Сибири. Л., 1968. Т. 2.

⁴ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 9.

⁵ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 9 // *Соловьев С.М.* Соч. в 18 кн. 1990. Кн. 5. С. 86–89, 130.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 16. Л. 130–131.

⁷ Первое столетие сибирских городов. XVII век. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VII). Новосибирск, 1996. С. 51–55.

⁸ В этой сумме учтен оклад Я. Хрипунова за 3 года, И. Репы – за 2 года, так как нет данных о получении им жалованья за 137 г.; также нет сведений о получении им кормовых в Москве; возможно, эта сумма пошла на содержание семьи.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 16. Л. 255.

¹⁰ Первое столетие сибирских городов... С. 89 – 90.

¹¹ Первая отписка не сохранилась. Известно, что она была отправлена Я. Хрипуновым с томскими служилыми людьми И. Володимерцем и П. Кизылом из Сургута.

¹² Эти данные несколько не совпадают с количеством служилых, названным Я. Хрипуновым.

¹³ По данным Е.В. Вершинина, тобольский воевода Иван Васильевич Волынский Птица умер в Тобольске в 1629 г. См.: *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998. С. 171.

¹⁴ Согласно этому документу, в первой половине XVII в. Ангарой называли верховья р. Верхней Тунгуски выше Братского порога; позже это название распространилось на всю реку.

¹⁵ См.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 262; СПб., 1848. Т. 3. С. 50–53; ЧОИДР. М., 1861. Кн. 1. Отд. V. С. 1–14; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сб. док. М., 1951. С. 125–129.